

В АРЬЕРГАРДЕ НЕЯ

Записки Фезенсака, 1812–1813

РАЙМОН ЭМЕРИ ДЕ МОНТЕСКЬЮ-ФЕЗЕНСАК

Раймон Эмери де
Монтескью-Фезенсак

**В арьергарде Нея. Записки
Фезенсака, 1812–1813**

«Автор»

2026

де Монтескью-Фезенсак Р.

В арьергарде Нея. Записки Фезенсака, 1812–1813 / Р. де Монтескью-Фезенсак — «Автор», 2026

Вторая книга серии «Записки Фезенсака» посвящена походу в Россию 1812 года глазами Раймона де Монтескью-Фезенсака (Raymond de Montesquiou-Fézensac) — полковника 4-го линейного полка. Особое место в его воспоминаниях занимает служба в арьергарде, где автору пришлось участвовать в непрерывных боях, прикрывая отступление армии. По мужеству и перенесённым страданиям этой службе мало найдётся равных примеров. Голод, мороз, болезни, бесконечные переходы и постоянные столкновения с преследующим противником постепенно превращают некогда огромную армию в горстку измученных людей. Читатель видит Великую армию глазами и памятью тех, кому пришлось пережить один из самых страшных походов в военной истории.

© де Монтескью-Фезенсак Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие автора	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава I	7
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Раймон Эмери де Монтескью-Фезенсак

В арьергарде Нея. Записки Фезенсака, 1812–1813

*«Iliaci cineres, et flamma extrema teorum,
Testor, in occasu vestro, nec tela, nec ullas
Vitavisse vices Danaum; et si fata fuissent
Ut caderem, meruisse manu.»*

*Трои прах и огонь, в котором друзья погибали,
Вы мне свидетели: в час крушенья я не стремился
Копий данайских бежать и уйти от участи грозной.
Гибель я заслужил — но рок мне иное назначил.*

(Вергилий. «Энеида», книга II, ст. 430–434. Перевод С. А. Ошерова)

Предисловие автора

Я пишу не историю кампании; я далёк от подобных притязаний. Это мой личный дневник — правдивое изложение того, что происходило у меня на глазах. Поэтому я буду рассказывать лишь о том, что видел сам и что случилось со мной, добавляя лишь несколько слов об операциях армии в целом. Я стал свидетелем событий, достаточно примечательных, чтобы однажды эти записки нашли своего читателя. Первоначально они предназначались лишь для моей семьи и друзей, но благожелательный приём, им оказанный, побуждает меня теперь их опубликовать.

Две должности, которые я последовательно занимал во время этой кампании, — адъютанта князя Невшательского¹ и полковника пехотного полка — естественным образом делят этот дневник на две части: первая будет посвящена завоеванию Литвы и русских провинций вплоть до событий после битвы на Москве-реке²; вторая — занятию Москвы и отступлению до Одера. Она будет объёмнее первой, поскольку 3-й армейский корпус, в состав которого входил мой полк, сыграл большую роль в отступлении, а моя новая должность полковника позволила мне наблюдать вблизи множество интересных подробностей.

---

¹ Луи Александр Бертье (1753–1815) — маршал Империи, владетельный князь Невшательский (также с 1805 года герцог Валанженский и с 1809 года князь Ваграмский). В 1799–1807 годах — военный министр и одновременно в 1799–1814 годах — начальник штаба Наполеона I. (Прим. пер.)

² Так французы называют Бородинское сражение — по имени реки Москвы, протекающей близ места битвы. (Прим. пер.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Состав французской и русской армий. — Объявление войны. — Переправа через Неман. — Главная квартира в Вильно. — Разделение двух русских корпусов. — Завоевание всей Литвы. — Главная квартира в Глубоком. — Манёвры русских. — Бои перед Витебском. — Взятие этого города. — Расквартирование.

Со времён мирного договора, заключённого в Тильзите³ и возобновлённого в Эрфурте, между Францией и Россией наметился целый ряд разногласий⁴. Император Наполеон захватил ганзейские города, и главным образом герцогство Ольденбургское, принадлежавшее зятю императора Александра; его войска занимали Пруссию и всю Германию, а сам он настаивал на полном присоединении России к континентальной блокаде. Император Александр отказывался и впредь следовать системе, которая повлекла бы за собой полное разорение торговли его империи, и, со своей стороны, требовал вывода войск из Пруссии и ганзейских городов.

Война казалась неизбежной; и уже с зимы 1812 года обе армии начали выдвигаться: одна — для защиты русской территории, другая — для вторжения в Россию. Никогда прежде с нашей стороны не сосредоточивались столь внушительные силы. Одиннадцать пехотных корпусов, четыре корпуса тяжёлой кавалерии и императорская гвардия составляли в общей сложности более 500 000 человек, при поддержке 1200 орудий⁵. Для формирования этой грандиозной армии были призваны силы Франции, Италии, Германии и Польши; Австрия и Пруссия не осмелились отказать в своих контингентах; здесь находились также войска Иллирии и Далмации и даже несколько португальских и испанских батальонов, с изумлением обнаруживших себя на другом конце Европы вовлечёнными в подобное дело. Швеция сохраняла нейтралитет; а мир, заключённый с Турцией, только что позволил русским сосредоточить все свои силы против столь грозного нашествия.

Пока различные корпуса Великой армии стремительно двигались через Германию, Император Наполеон расположился в Дрездене и созвал туда всех государей Рейнского союза, а также императора Австрии и короля Пруссии. Несколько дней он председательствовал на этом собрании королей, которых, казалось, не без удовольствия унижал блеском своего могущества.

В то время я был командиром эскадрона и адъютантом герцога Фельтрского⁶, моего тестя, военного министра; я выразил ему желание принять участие в этой кампании, и по его просьбе князь Невшательский, начальник главного штаба Великой армии, любезно согласился взять меня к себе в качестве адъютанта. В начале мая я отправился в Позен⁷, где собиралась главная квартира. Я проехал через Везель, Магдебург и Берлин, который застал превращённым в крепость. Чтобы не стеснять движение войск и вместе с тем сохранить достоинство прусского короля, было решено, что этот государь удалится в Потсдам со своей гвардией, а командова-

---

³ Тильзит — в настоящее время Советск, Калининградская область, Россия. (Прим. пер.)

⁴ Помимо атласа к «Истории Консульства и Империи» [Тьера], для этой кампании и кампании 1813 года можно также обратиться к атласу генерала Гийома де Водонкура. (Прим. авт.)

⁵ Подробности приведены в Примечании А. Общая численность армии на момент перехода через Неман составляла 414 000 человек; но если прибавить 9-й корпус и дивизию Луазона, вступившие в боевые действия лишь позднее, многочисленные отряды, последовательно присоединявшиеся к различным корпусам, а также администраторов, служащих и нестроевой состав, легко получить цифру в 500 000 человек, принявших участие — полностью или частично — в этой кампании. (Прим. авт.)

⁶ Анри-Жак-Гийом Кларк (1765–1818) — герцог Фельтрский, военный министр Наполеона I, при Реставрации — маршал Франции. (Прим. пер.)

⁷ Позен — в настоящее время Познань, Польша. (Прим. пер.)

ние Берлином будет поручено французскому генералу. Эта столица, как и вся остальная Пруссия, была обременена воинскими постоями и всевозможными реквизициями. Известно, каким притеснениям подвергались жители стран, через которые проходили наши армии, но никогда прежде эти притеснения не заходили так далеко, как в ту эпоху. Мало того что жители были обязаны кормить своих постояльцев, согласно неизменно соблюдавшемуся во время нашего пребывания в Германии обычаю; у них ещё отбирали скот, реквизировали лошадей и повозки, и удерживали их по меньшей мере до тех пор, пока не находили им замену. Мне часто доводилось встречать крестьян за 50 лье⁸ от своих деревень, ведущих обозы какого-нибудь полка, и эти бедные люди в конце концов считали себя счастливыми, если могли спастись бегством, бросив своих лошадей.

В Позене я застал всех офицеров главной квартиры, не сопровождавших Императора в Дрезден, а также несколько полков императорской гвардии, войска, принадлежавшие к различным армейским корпусам, артиллерийские парки и всевозможные обозы. Никогда ещё не видели столь грандиозных приготовлений; Император собрал для этой экспедиции все силы Европы, и каждый, следуя его примеру, брал с собою всё, чем только мог располагать. У каждого офицера была по меньшей мере одна повозка, а у генералов — по несколько; число слуг и лошадей было невероятным.

Вскоре главная квартира переместилась в Торн⁹, а оттуда — в Гумбиннен¹⁰, через Остероде¹¹, Гейльсберг¹² и Гуттштадт¹³ — места, прославившиеся в войне 1807 года. Император присоединился к нам в Торне и перед прибытием в Гумбиннен посетил Данциг¹⁴ и Кёнигсберг¹⁵. Именно в этом городе были уничтожены последние надежды на мир.

Г-н де Нарбонн вернулся из Вильно¹⁶, привезя отказ императора Александра от предложений, с которыми он к нему ездил. Во время прощальной аудиенции этот монарх сказал ему, что решился на войну; что будет вести её с неизменной стойкостью и что, даже если мы овладеем Москвой, он всё равно не сочтёт своё дело проигранным.

— В самом деле, государь, — ответил г-н де Нарбонн, — тогда вы всё равно останетесь самым могущественным монархом Азии.

Вскоре после этого последнего шага последовало объявление войны; оба императора обнародовали каждый своё воззвание, весьма мало похожее одно на другое по стилю. Наполеон в пророческом тоне восклицал: «Россию влечёт рок! Её судьба должна свершиться». Александр же говорил своей армии: «Я с вами. На зачинающего Бог!»

Из Гумбиннена армия вступила в Польшу, чтобы приблизиться к Неману. При переходе границы нас поразили удивительный контраст между этими двумя странами и внезапная перемена в нравах их жителей. В Пруссии всё свидетельствует о достатке и цивилизации: дома добротно построены, поля возделаны; едва вступаешь в Польшу, как взору предстают лишь картины рабства и нищеты: отупевшие крестьяне, ужасающе грязные евреи, едва возделанные земли и вместо домов — жалкие хижинки, столь же грязные, как и их обитатели.

Русские войска, собранные в то время на берегах Немана, были разделены на 1-ю и 2-ю армии: первая, находившаяся под непосредственным командованием генерала Барклая де

⁸ Лье (или лё) — старинная французская мера длины. Равна 4,44 км. (Прим. пер.)

⁹ Торн — в настоящее время Торунь, Польша. (Прим. пер.)

¹⁰ Гумбиннен — в настоящее время Гусев, Калининградская область, Россия. (Прим. пер.)

¹¹ Остероде — в настоящее время Оструда, Польша. (Прим. пер.)

¹² Гейльсберг — в настоящее время Лидзбарк-Варминьски, Польша. (Прим. пер.)

¹³ Гуттштадт — в настоящее время Добре-Място, Польша. (Прим. пер.)

¹⁴ Данциг — в настоящее время Гданьск, Польша. (Прим. пер.)

¹⁵ Кёнигсберг — в настоящее время Калининград, Россия. (Прим. пер.)

¹⁶ Вильно — в настоящее время Вильнюс, Литва. (Прим. пер.)

Толли, главнокомандующего, защищала переправы в окрестностях Ковно¹⁷; вторая, под командованием князя Багратиона, обороняла Гродно. Обе они насчитывали в общей сложности 230 000 человек; на крайнем левом фланге 68 000 человек под командованием генерала Тормасова прикрывали Волынь; на крайнем правом 34 000 человек защищали Курляндию. Таким образом, Россия имела под ружьём 330 000 человек, а Франция — около 400 000.

В этих обстоятельствах план Императора Наполеона был составлен без промедления. Он решил форсировать Неман близ Ковно и стремительно двинуться в Литву, чтобы отрезать генерала Барклая от генерала Багратиона. Направив 2-й корпус на Тильзит для нападения на Курляндию и расположив 5-й, 7-й и 8-й корпуса в Новогрудке, перед князем Багратионом, он сам двинулся к Неману с императорской гвардией, 1-м, 2-м, 3-м и 4-м корпусами и двумя первыми кавалерийскими корпусами. Берега Немана были разведаны; место переправы определили немного выше Ковно. Армия собралась там 23 июня, с наступлением ночи; три моста были возведены в один миг.

День едва занимался, а 1-й корпус уже переправился. За ним последовали 2-й и 3-й корпуса, а также кавалерийский резерв. Палатки Императора разбили на возвышенности, господствующей над противоположным берегом. Именно там мы собрались, чтобы созерцать это великолепное зрелище. Генерал Барклай, имевший на этом участке лишь одну дивизию, не мог воспрепятствовать переправе. Ковно было занято без сопротивления, и Император перенёс туда свою главную квартиру. Оттуда различные армейские корпуса двинулись на Вильно. Генерал Барклай отступал перед их приближением. Меня несколько раз посылали с поручениями к генералам, командовавшим нашими войсками, и я имел возможность восхищаться выправкой полков, их воодушевлением, порядком и слаженностью их движений. Император присоединился к авангарду вечером 27 июня, а на следующее утро наши войска, после лёгкого сопротивления, вошли в Вильно, где их встретили ликующими возгласами.

Кампания продолжалась всего пять дней, а замысел Императора уже удался: две русские армии были разделены. Генерал Барклай отступил к Дрисскому укрепленному лагерю¹⁸ на Двине, чтобы прикрыть дорогу на Петербург, тем самым открывая Литву. Генерал Багратион оставил берега Немана, стремясь соединиться с Барклаем, но наши войска уже вклинились между двумя армиями.

Во время пребывания Императора в Вильно корпуса Великой армии, растекаясь по Литве, преследовали две русские армии во всех направлениях. Неаполитанский король¹⁹ с кавалерией, 2-м и 3-м корпусами следовал за отступавшим генералом Барклаем в направлении Дриссы. 1-й корпус, двигавшийся по дороге на Минск, перерезал сообщение с князем Багратионом, за которым неотступно следовали 5-й, 7-й и 8-й корпуса²⁰. 4-й и 6-й корпуса оставались в окрестностях Вильно, гарнизон которого составляла императорская гвардия.

Каждый день был отмечен успехом; каждый офицер, отправленный с поручением, возвращался с хорошими новостями. Однако погода мало нам благоприятствовала: вскоре удушающую жару сменили проливные дожди. Это внезапное изменение температуры, вкупе с трудностями в добывании фуража, вызвало большой падёж лошадей в армии; непогода окончательно испортила дороги, которые зачастую представляли собой лишь длинные настилы из брёвен, уложенные поверх болот.

¹⁷ Ковно — в настоящее время Каунас, Литва. (Прим. пер.)

¹⁸ Дрисский укрепленный лагерь русской армии располагался к северо-западу от города Дриссы (ныне Верхнедвинск) Витебской губернии. (Прим. пер.)

¹⁹ Иохим Мюрат (1767–1815) — маршал Империи при Наполеоне I, великий герцог Берга в 1806–1808 годах, король Неаполитанского королевства в 1808–1815 годах. (Прим. пер.)

²⁰ Эти три последних корпуса, находившиеся под командованием принца Жерома, короля Вестфалии, составляли таким образом крайний правый фланг армии. (Прим. авт.)

Уже начинала ощущаться нехватка продовольствия; армия жила за счёт ресурсов страны, а эти ресурсы, и без того весьма скудные, до жатвы были ещё более ограниченными. Солдаты уже предавались распушенности и грабежам²¹, но успех, казалось, оправдывал всё.

Однако Император уже обдумывал, как воспользоваться важным завоеванием, столь удачно осуществлённым им в первые же дни кампании. Прежде всего его внимание привлекло географическое положение Вильно. Река Виля, протекающая через город, судоходна до самого Немана, как и Неман — до самого моря. Это обстоятельство побудило Императора сделать Вильно своим главным складом. Сюда были перевезены запасы, заготовленные в Данциге и Кёнигсберге; были возведены различные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить город от внезапного нападения.

В то же время Наполеон использовал все возможности, чтобы обратить политическое значение столицы Литвы себе на пользу. Едва мы овладели Вильно, как литовская знать обратилась к нему с просьбой о восстановлении Польского королевства. Сейм, созванный с его разрешения в Варшаве, провозгласил это восстановление и направил в Вильно делегацию, чтобы добиться присоединения Литвы и испросить покровительства Императора. В довольно двусмысленном ответе Наполеон дал им понять, что примет решение в зависимости от исхода событий, заявив, однако, что гарантировал императору Австрии целостность его территории и что, следовательно, необходимо отказаться от притязаний на Галицию.

Этот уклончивый ответ, вместо того чтобы обескуражить поляков, лишь усилил их рвение; они с восторгом предали надежде вновь обрести независимость. Решение Великого герцогства Варшавского о восстановлении Польского королевства было торжественно принято Литвой. Церемония состоялась в Виленском соборе, где собралась вся знать. Там можно было видеть мужчин, облачённых в старинные польские костюмы, и женщин, украшенных красными и фиолетовыми лентами в национальных цветах. Акт о присоединении был зачитан после торжественной мессы и принят под восторженные возгласы собравшихся; пропели *Te Deum*, и тотчас после церемонии акт о присоединении доставили герцогу Бассано²², чтобы представить его Императору, который благосклонно его принял.

Немедленно было организовано гражданское управление Литвы, первым же действием которого стало распоряжение о больших наборах рекрутов. Среди всех этих приготовлений собрания, балы и концерты следовали один за другим без перерыва. Будучи свидетелями этих празднеств, мы с трудом узнавали в них столицу страны, разорённой двумя вражескими армиями, жители которой были доведены до нищеты и отчаяния; а если сами литовцы порой и вспоминали об этом, то лишь для того, чтобы сказать, что никакая жертва не должна быть в тягость полякам, когда речь идёт о восстановлении их отечества²³.

Пребывание Императора в Вильно позволило нам во всех подробностях наблюдать состав главного штаба. При Императоре находились обер-гофмаршал²⁴, обер-шталмейстер²⁵, его адъютанты, его офицеры-ординарцы, адъютанты его адъютантов и несколько секретарей для ведения кабинетных дел. У начальника главного штаба было восемь или десять адъютантов и

²¹ Я говорю не о полках, а об отставших, двигавшихся поодиночке; уже в то время число их было велико. (Прим. авт.)

²² Юг-Бернар Маре (1763–1839) — министр иностранных дел в 1811–1813 гг., в 1834 г. премьер-министр. С 1809 г. носил почётный титул герцога Бассано. (Прим. пер.)

²³ Беспорядок достиг такой степени, что субпрефект Новых Троков (в настоящее время — Тракай; прим. пер.) (близ Вильно), направляясь к месту своей службы, был ограблен нашими солдатами и прибыл почти нагим в город, которым ему предстояло управлять. (Прим. авт.)

²⁴ Жеро Кристоф Мишель Дюрок (1772–1813) — французский военный и государственный деятель, дипломат, дивизионный генерал (1803), обер-гофмаршал (1805), герцог Фриульский (1808), участник революционных и наполеоновских войн. (Прим. пер.)

²⁵ Арман Огюстен Луи де Коленкур (1773–1827) — французский дипломат, обер-шталмейстер, посол Франции в России. С 1808 г. носил почётный титул герцога Виченцкого. Старший брат генерала Огюста де Коленкура, погибшего в Бородинском сражении. (Прим. пер.)

столько чиновников, сколько требовалось для ведения всех дел армии такого размера; главный штаб, состоявший из большого числа офицеров всех чинов, возглавлял генерал Монтион. Администрация, которой руководил генерал-интендант граф Дюма, подразделялась на собственно административную службу — распорядителей, инспекторов смотров и военных комиссаров; медицинскую службу — врачей, хирургов и фармацевтов; продовольственную службу во всех её различных подразделениях, а также всевозможных мастеровых.

Когда князь Невшательский проводил ей смотр в Вильно, издали можно было принять её за войска, построенные к сражению; и, по злосчастному стечению обстоятельств, несмотря на усердие и таланты генерал-интенданта, эта огромная администрация оказалась почти бесполезной уже в начале кампании, а к её концу и вовсе стала вредной. Теперь представим себе весь этот штаб, собранный в одном месте; добавим к этому невероятное количество слуг, запасных лошадей и всевозможных обозов, которые он должен был тащить за собой, — и получим некоторое представление о том зрелище, которое представляла собой главная квартира. Поэтому, когда армия совершала переход, Император брал с собой лишь очень небольшое число офицеров; все остальные отправлялись заранее или следовали позади. Если устраивали бивуак, палатки ставили только для Императора и князя Невшательского; генералы и прочие офицеры ночевали на бивуаке наравне с остальной армией.

Служба адъютантами при начальнике главного штаба не была для нас обременительной. Каждый день двое из нас заступали на дежурство: один отправлялся доставлять приказы, другой принимал донесения и офицеров, прибывавших с поручениями. Таким образом, наша очередь выпадала лишь раз в четыре или пять дней, если только кто-нибудь из нас не находился в разъезде, что случалось редко, поскольку для таких поручений обычно посылали штабных офицеров. В личных отношениях с нами князь Невшательский проявлял ту смесь доброты и резкости, которая составляла его характер. Часто он, казалось, вовсе не обращал на нас внимания; но при случае мы всегда могли рассчитывать на его участие, и за всю свою долгую военную карьеру он не забывал способствовать продвижению по службе ни одного из офицеров, служивших под его началом.

Для князя Невшательского отводили первый по значению дом в городе после дома Императора; и поскольку он сам всегда останавливался подле Наполеона, этот дом предназначался его адъютантам. Один из них, г-н Перне, ведал всеми хозяйственными делами его дома, в котором поддерживал образцовый порядок; сам князь Невшательский, несмотря на свою занятость, находил время заботиться об этом, желая, чтобы его адъютанты ни в чём не испытывали недостатка, часто лично справляясь об их нуждах.

Среди войны было большим утешением не заботиться ни об одной из этих мелочей и без малейшего труда оказываться лучше устроенным и сытнее накормленным, чем вся остальная армия. Состав офицеров главной квартиры делал наше положение ещё более приятным. Среди офицеров, состоявших при Императоре или при генералах его свиты, были господа Фернан де Шабо, Эжен д'Асторг, де Кастеллан, де Мортемар и де Тальмон. Адъютантами князя Невшательского были господа де Жирарден, де Флао, Альфред де Ноай, Анатоль де Монтескью, Лекутё, Адриен д'Асторг и я. Порой, среди этого общества, можно было вообразить себя всё ещё в Париже.

Мы редко видели князя Невшательского, поскольку не были заняты никакой работой непосредственно при нём; почти весь день он проводил в своём кабинете, отправляя приказы согласно указаниям Императора. Никогда ещё не приходилось наблюдать такой точности, такой полной покорности, такой безусловной преданности. От дневных трудов он отдыхал, работая по ночам; нередко посреди сна его будили, чтобы полностью переделать всю сделанную накануне работу, а порой единственной наградой ему служили несправедливые, или, по меньшей мере, весьма суровые выговоры. Но ничто не могло охладить его рвения; никакая телесная усталость, никакая кабинетная работа не были выше его сил; никакое испытание не

могло истощить его терпения. Одним словом, если положение князя Невшательского никогда не давало ему возможности проявить таланты, необходимые для командования большими армиями, то, по крайней мере, невозможно было встретить человека, в котором физические и нравственные качества, соответствовавшие должности, которую он занимал при таком человеке, как Император, были бы соединены в большей степени.

В первых числах июля Наполеон решил продвинуть свою главную квартиру вперёд, чтобы следовать за движением армии. Глубокое, небольшой городок в 30 лье от Вильно, по направлению к Витебску, показался ему наиболее подходящим центральным пунктом. Действительно, оттуда он мог с одинаковой лёгкостью двинуться налево — к Дрисскому лагерю, направо — на Минск, а прямо — на операционную линию, по которой две русские армии ещё могли попытаться соединиться.

4-й и 6-й корпуса и императорская гвардия один за другим выступили из Вильно в этом направлении. Поскольку Императору предстояло совершить этот переход весьма быстро, он заранее отправил вперёд почти всех офицеров штаба.

Адъютанты князя Невшательского выступили из Вильно 12 июля и за пять дней пути, через Лаворишкес, Михалишки, Чехи и Дуниловичи, прибыли в Глубокое. Местность, по которой мы проезжали, в целом была красивой и хорошо возделанной; деревни — нищими, как и все деревни в Польше, и разорёнными нашими войсками. Мы встретили несколько полков молодой гвардии; среди прочих я обратил внимание на полк фланкёров, состоявший из совсем молодых людей. Этот полк выступил из Сен-Дени и имел лишь один день отдыха в Майнце и один в Мариенвердере²⁶, на Висле; более того, в дни переходов по прибытии солдат заставляли заниматься строевой подготовкой, поскольку Император счёл их недостаточно обученными. Неудивительно, что этот полк был уничтожен первым: солдаты уже умирали от изнеможения прямо на дорогах.

Глубокое, небольшой городок, целиком застроенный деревянными домами, был населён одними евреями; окружавшие его леса и озёра придавали ему унылый и дикий вид, а воспоминания о Вильно отнюдь не делали для нас пребывание там более приятным. Император прибыл туда 18 июля, и планы противника побудили его принять новые меры.

Князь Багратион, благодаря скорости своего марша, ускользнул от преследования 5-го и 8-го корпусов и оказался вне пределов их досягаемости. Император, крайне недовольный, обрушил свой гнев на Вестфальского короля и передал всё правое крыло под командование князя Экмюльского²⁷. Сам король, также весьма недовольный, покинул армию. Но эти новые распоряжения неизбежно привели к потере времени, чем князь Багратион и воспользовался: уже 17-го он переправился через Березину у Бобруйска и двинулся на Могилёв, чтобы соединиться с генералом Барклаем в Витебске. Всё, что мог сделать князь Экмюльский, — это прибыть в Могилёв раньше него и попытаться преградить ему путь.

С другой стороны, генерал Барклай, узнав об этих событиях и видя, что князь Багратион не может прибыть к Дрисскому лагерю, решил двинуться ему навстречу и занять позицию перед Витебском. Этот укреплённый лагерь, на сооружение которого было затрачено столько усилий, 18-го был оставлен без боя, и русская армия поспешно направилась к Витебску. Генерал Витгенштейн остался перед Полоцком, на правом берегу Двины, с целью прикрыть дорогу на Петербург. 2-й и 6-й корпуса выдвинулись к Полоцку, чтобы противостоять ему. 3-й и 4-й корпуса, кавалерия и гвардия стремительно преследовали главную русскую армию в направлении Витебска. Главная квартира, выступившая 22-го из Глубокého, 24-го прибыла в Бешенко-

---

²⁶ Мариенвердер — в настоящее время Квидзын, Польша. (Прим. пер.)

²⁷ Луи-Николя Даву (1770–1823) — герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, маршал Империи, генерал-полковник пехотных гренадер императорской гвардии. Имел прозвище «Железный маршал». (Прим. пер.)

вичи; все донесения давали основания полагать, что противник даст большое сражение перед Витебском. Полки были охвачены чрезвычайным воодушевлением, которое мы все разделяли.

Утром 25-го князь Невшательский приказал мне объехать весь правый фланг армии до Могилёва, где я должен был найти князя Экмюльского; данные мне указания также предписывали отправлять ординарцев, дабы немедленно извещать Императора обо всём новом, что мне удастся узнать. Меня сопровождал польский офицер, который должен был служить моим переводчиком при расспросах местных жителей. Император особенно хотел знать, в каком положении находился князь Экмюльский по отношению к князю Багратиону и способны ли наконец 5-й и 8-й корпуса оказать ему поддержку. Я отправился с первыми пушечными выстрелами, возвестившими о наступлении Неаполитанского короля.

Могилёв находился примерно в 35 лье от Бабиновичей; у Сенно мы вышли на почтовую дорогу, но, поскольку все лошади были реквизированы, нам пришлось проявлять изобретательность, чтобы продолжить путь; мой спутник оказался мне весьма полезен, проводя меня по польским имениям, где помещики предоставляли нам лошадей. В этом крае царило спокойствие, и никаких новостей там не знали.

Ночью мы прибыли в Коханово; генерал Груши командовал там кавалерийским корпусом, авангард которого находился в Орше под командованием генерала Кольбера. Перед ним стоял русский корпус, оборонявший дорогу на Смоленск.

26-го, на рассвете, мы прибыли в Шклов, небольшой, весьма торговый еврейский городок, а утром — в Могилёв, где находился 1-й корпус. В этом последнем городе я имел возможность наблюдать порядок и дисциплину, всегда отличавшие войска князя Экмюльского. От него я узнал, что князь Багратион, спустившись по Днепру от Старого Быхова²⁸, безуспешно атаковал его 22-го и 23-го; тогда, отчаявшись силой пробиться через Могилёв, князь Багратион переправился через Днепр у Старого Быхова и отступил в направлении Смоленска. Что касается 5-го и 8-го корпусов, то их ожидали в Могилёве, и сразу после их прибытия князь Экмюльский рассчитывал подняться вверх по Днепру до Орши, чтобы сблизиться с остальными корпусами армии. Таким образом, князь Багратион избежал попыток окружить его; но вместе с тем его соединение с генералом Барклаем под стенами Витебска стало невозможным.

26-е было воскресеньем. Выйдя после мессы, князь Экмюльский принял архимандрита и рекомендовал ему признать Императора Наполеона своим государем и в общественных молитвах заменить имя императора Александра его именем. В связи с этим он напомнил ему слова Евангелия о том, что «Кесарю надлежит воздавать кесарево», добавив, что под Кесарем следует понимать того, кто сильнее. Архимандрит обещал исполнить это распоряжение, но по его тону было ясно, что он одобряет его без особой охоты.

Я выехал тем же вечером той же дорогой; на следующий день, приближаясь к армии, я узнал, что три дня моего отсутствия были отмечены тремя блестящими боями, в которых было взято Островно, а русская армия отеснена со своей позиции вплоть до самых стен Витебска. Я пересёк поля сражений, ещё усеянные следами этих трёх боёв, и вечером 27-го прибыл в главную квартиру, где доложил о выполнении своего поручения Императору и князю Невшательскому.

Армия стояла лагерем в боевом порядке напротив русской армии, от которой её отделял ручей Лучоса, а палатки Императора были разбиты на возвышенности ближе к центру. Весь вечер мы делились рассказами: я поведал о своей поездке, а мне, в свою очередь, рассказали о только что состоявшихся боях. Я с удовольствием узнал, что в них отличились несколько адъютантов князя Невшательского, и что доблестное поведение войск сулило самые блистательные успехи в более важных битвах. На следующий день ожидали генерального сражения; каково же было удивление, когда на рассвете обнаружилось, что неприятель отступил. Дей-

²⁸ Старый Быхов — в настоящее время Быхов, Беларусь. (Прим. пер.)

ствительно, генерал Барклай получил известие, что князь Багратион, не сумев овладеть мостом у Могилёва, переправляется через Днепр ниже этого города и направляется к Смоленску — единственному месту, где он мог с ним соединиться; Барклай же, не желая вступать в сражение до их соединения, решил оставить Витебск и двинуться на Смоленск²⁹.

Император вступил в Витебск и отправил свои войска преследовать неприятеля. Через два дня, убедившись, что отступление на Смоленск продолжается всерьёз, он решил дать своей армии некоторое время для отдыха, тем более что хорошие известия, поступающие от отдельных корпусов, делали этот момент особенно благоприятным для передышки. На левом фланге 10-й корпус завоевал Курляндию и приближался к Риге. Герцог Реджо³⁰ во главе 2-го и 6-го корпусов только что разбил генерала Витгенштейна перед Полоцком, тогда как на правом фланге 7-й корпус и австрийцы между Бугом и Наревом успешно противостояли генералу Тормасову. Корпуса Великой армии расположились на квартирах между Днепром и Двиной: 5-й корпус — на правом фланге, в Могилёве, а за ним последовательно 8-й, 1-й, 3-й и 4-й корпуса, левый фланг которых находился у Велижа, выше Витебска; впереди располагалась кавалерия, а императорская гвардия и главная квартира — в Витебске.

---

²⁹ В боях под Островно и Витебском против русских сражались кавалерия Неаполитанского короля и 4-й корпус. В одном из этих боёв две роты вольтижёров 9-го полка (4-го корпуса), далеко выдвинувшись на равнину, были атакованы всей русской кавалерией. Эти две роты, сомкнувшись в плотную массу, отбили атаку и присоединились к французской армии, которая, собравшись на окрестных высотах, словно в амфитеатре, наблюдала за этим славным подвигом и поддерживала солдат своими аплодисментами. (Прим. авт.)

³⁰ Николя Шарль Удино (1767–1847) — французский военный деятель, маршал Империи (1809), граф (1808), затем 1-й герцог Реджо (1810). (Прим. пер.)

Глава II

Пребывание в Витебске. — Положение армии. — Марш на Смоленск. — Сражение и взятие этого города. — Бой у Валутиной горы. — Планы Императора. — Марш на Москву. — Битва на Москве-реке.

Витебск, единственный крупный город, встретившийся нам п

Белая Россия — историческое название восточных земель нынешней Беларуси (в первую очередь Витебской и Могилёвской губерний), употреблявшееся в русском языке конца XVIII — начала XIX века после присоединения этих территорий к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой. (Прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.